

ВСТУПЁСИЕ

Меня зовут Иван, и я одноглазый трехногий пес из приюта для бездомных собак. У меня странной формы голова с выступающей нижней челюстью и торчащим в сторону зубом, который часто цепляется за одежду и прочие вещи. Я понятия не имею, какой я породы, и, по всей видимости, этого не знает никто. Когда я был щенком, все говорили, будто я похож на лайку, которой наступили на голову. Через какое-то время во мне стали узнавать австралийскую овчарку и бернского зенненхунда. А еще позже я начал слышать в свой адрес такие слова, как аллигатор, медведь гризли, горгулья и тираннозавр.

Однажды на прогулке мы повстречали человека, который воскликнул: «Ух ты! Эта собака — вылитый Ник Нолти!»¹ Я не смотрю телевизор и редко хожу в кино, поэтому не знаю, кто такой Ник Нолти. Но, похоже, он известная личность.

---

¹ Ник Нолти (род. в 1941 г.) — американский киноактер, трехкратный номинант на премию «Оскар». (Здесь и далее примеч. ред., если не указано иное.)

Как бы то ни было, все засмеялись, и я вместе с ними.

Вы, должно быть, недоумеваете, с какой стати я начал рассказывать историю своей жизни. Что ж, отчасти потому, что мне хочется, чтобы некоторые люди переосмыслили выражение «собачья жизнь». Я сам — живое доказательство того, что собачья жизнь может быть очень даже хорошей. И совсем не важно, как ты выглядишь и каким плохим было начало твоего жизненного пути.

Перед вами не мемуары на тысячу страниц. Ведь жизнь собаки гораздо короче человеческой. На самом деле мемуары большинства моих собратьев (исключительно в силу их природной лени) ограничатся одним-единственным абзацем: «Сегодня я проснулся, вышел из дома, вернулся, поел и опять лег на свое место. Потом меня немного погладили и я снова вышел на улицу. Там меня привязали, и я сидел на цепи и лаял на какие-то странные звуки. Когда меня отвязали, я разворошил мусорное ведро, за что получил взбучку. Потом меня простили, взяли на прогулку и дали поесть. Вернувшись домой, я лег на свой коврик, меня снова немного потрепали за ушком, и я уснул». Умножьте это на три тысячи дней — и получите представление о жизни обычной среднестатистической собаки. Однако мою жизнь, как и меня самого, назвать заурядной никак нельзя.

РОЖДЕНИЕ НЕЗАУРЯДНОГО ПСА

Как и большинство щенков, я родился в неполной семье у матери-одиночки. По слухам, мой папаша был той еще скотиной, с гладкой лоснящейся шерстью, зловещей нижней челюстью и диким взглядом. Кое-кто даже высказывал предположения, будто моим отцом был молодой медведь гризли или одноглазый самец гориллы. Однако я, разумеется, не верю всем этим басням. Вполне очевидно, что он тоже был из собачьего племени, но узнать, что он собой представлял, уже не представляется возможным.

Как и все бездомные псы, сохранившие свое природное собачье естество, мой папаша радостно следовал своему нюху и глубинным физиологическим инстинктам, беззаботно распространяя свои гены по всем сельским окраинам Скэджит Вэлли, темным дождливым улочкам Маунт Вернона и прочим закоулкам, куда приводили его те самые пресловутые инстинкты. В конце концов они заставили его вступить в связь с некой полубездомной самкой, и таким образом началась моя история.

Я смутно помню первые несколько недель своей жизни. Единственное, чего я никогда не забуду, — это милый облик моей матери, необычный окрас ее шерсти и большие темные

глаза, в которых светилась любовь. Я стараюсь не вспоминать тот жуткий момент, когда в сарай, где мы жили, ворвался какой-то разъяренный пес (предположительно мой драгоценный отец), нарушив своим яростным лаем и грозным рычанием тишину и спокойствие нашего мирного гнезда. Рыская свирепым взглядом по углам нашего скромного жилища, он как будто искал себе жертву.

И тут я почувствовал его брызжущую слюной пасть на своей морде. Мощные челюсти захлопнулись, и острая ослепляющая боль пронзила мою голову. Ошалевший от боли и зловонного дыхания из его пасти, я болтался из стороны

в сторону, зажатый между его зубами. Казалось, еще немного, и он меня прикончит.

Не успел он выхватить меня из приятной компании моих братьев и сестер, как снова раздался неистовый лай, — однако на этот раз от боли взвыл наш непрошенный гость, но гневное рычание моей матери заглушило его вопли. Я не видел, куда именно она его укусила, но, судя по тому, как он завизжал, это было довольно чувствительное место. Вскоре его громкие завывания перешли в жалкий скулеж, который становился все тише и тише по мере того, как он, прихрамывая, брел к выходу. Какой урок я вынес из этой ситуации? Нельзя недооценивать силу материнского инстинкта.